

Стивен Винсент
БЕНЕ

*Дьявол
и Дэниел Уэбстер*

АЗБУКА

Санкт-Петербург

КОШАЧИЙ КОРОЛЬ¹

— То есть как, дорогая? — дрогнувшим голосом проговорила миссис Бомбардо. — Настоящий... хвост?

Миссис Лепет с достоинством кивнула:

— Совершенно настоящий. Я была на его концертах. Дважды. Во-первых, конечно, в Париже. И потом еще это потрясающее выступление в Риме. Мы сидели в Королевской ложе. И представьте, он... Если бы вы знали, дорогая, как у него звучит оркестр!.. И он дирижировал... — она самую чуточку замялась, — хвостом!

— Ах, какой ужас! — восхищенно и алчно воскликнула миссис Бомбардо. — Надо будет сразу же пригласить его на обед. Он ведь приезжает, это точно?

— Двенадцатого, — подтвердила миссис Лепет, округлив глаза. — Новый Симфонический пригласил его дать с ними три концерта. Надеюсь, вы сможете как-нибудь пообедать у нас, пока он здесь. Он, разумеется, будет очень занят, и он все свое свободное время обещал уделить нам.

— Спасибо, дорогая, — неуверенно отозвалась миссис Бомбардо, не забывшая свое прошлое покушение на одного английского романиста, которого выставила у себя в салоне миссис Лепет. — Вы всегда так гостеприимны! Но зачем же вам все взваливать на свои

---

¹ Рассказ «The King of the Cats» опубликован в журнале *Harper's Bazaar* в феврале 1929 г.

плечи? Остальные тоже должны внести посильную лепту. Например, мы с Генри будем от души рады...

— Это очень любезно с вашей стороны, дорогая. — Миссис Лепет тоже помнила про выкраденного романиста. — Но мы обещали мосье Тибо... прелестное имя, не правда ли? Говорят, он прямой потомок Тибальта из «Ромео и Джульетты», оттого, наверно, и не любит Шекспира... Мы обещали мосье Тибо тихое и скромное времяпрепровождение, разве что один небольшой прием в самом узком кругу после первого концерта. Он терпеть не может шумные, разношерстные сборища. — Она обвела гостей миссис Бомбардо укоризненным взором. — И потом, из-за этой своей маленькой... м-м... особенности, — деликатно кашлянула она, — он стесняется незнакомых людей.

— Но я все-таки не понимаю, тетя Эмили, — сказал племянник миссис Лепет, Томми Брукс. — У этого хрена Тибо что же, вправду есть хвост? Прямо как у обезьяны?

— Томми, мой друг, — язвительно заметила миссис Бомбардо, — во-первых, мистер Тибо — не хрен, а выдающийся музыкант, первый дирижер Европы. А во-вторых...

— Вправду, — твердо ответила миссис Лепет. — Есть хвост. И он им дирижирует.

— Но как же так? — недоуменно пробормотал Томми. У него покраснели уши. — То есть, конечно, я не сомневаюсь, раз вы сами видели, тетя Эмили. Но все-таки это уж ни в какие ворота не лезет, как говорится. Ведь верно, профессор Свист?

Профессор Свист откашлялся.

— Гм, гм, — произнес он и свел руки концами пальцев. — Я с нетерпением жду встречи с... э-э-э... мосье Тибо. Лично мне никогда не случалось наблюдать подлинный экземпляр *homo caudatus*¹, поэтому я склонен

---

¹ Человека хвостатого (лат.).

сомневаться, однако, с другой стороны... В Средние века, например, была широко распространена вера в существование... э-э-э... хвостатых людей, и, по-видимому, для нее имелись основания. Еще в восемнадцатом веке один голландский мореплаватель, пользующийся репутацией достаточно правдивого человека, писал, что обнаружил на острове Формоза двух туземцев с хвостовыми придатками на копчиках. Они, как я понимаю, находились на низкой ступени цивилизации, и соответствующие образования были отчетливо видны. А от тысячи восьмьсот шестидесятого года мы имеем свидетельство английского врача доктора Гримбука, якобы наблюдавшего среди своих пациентов-африканцев по меньшей мере троих с короткими, но вполне выраженными хвостами, впрочем, его рассказ не подкреплён никакими доказательствами. Словом, явление это возможное, хотя, бесспорно, необычное. Перепонки между пальцами ног, рудименты жабр — такие черты встречаются достаточно часто. Или, скажем, аппендикс, он всегда при нас. В цепи, связывающей нас с обезьяноподобными праформами, есть недостающие звенья. В конце концов, что такое те несколько позвонков, которыми заканчивается позвоночник у любого из нас, — воодушевился профессор, обводя всех сотрапезников нежным взглядом, — как не зачаток скрытого рудиментарного хвоста? Да-да, это возможно... вполне... в исключительных случаях... возврат к архетипу... атавизм, хотя, с другой стороны...

— Вот видите, — поставила точку миссис Лепет. — Ну разве не восхитительно? Как вы находите, принцесса?

Принцесса Вивраканарда скользнула по ее ликующему лицу взглядом своих удивительных глаз, голубых, как поле незабудок, и бездонных, как небо в зените.

— Да, оч-чень, — произнесла она голоском, мягким и шершавым, точно золотистый бархат под ладонью. — Я бы хотела... Я бы оч-чень хотела увидеть этого мосье Тибо.

— Лично я бы хотел, чтобы он свернул себе шею, — негромко буркнул Томми Брукс, но на Томми никто не обращал внимания.

Однако чем ближе подходил срок прибытия мосье Тибо к нам в Штаты, тем сомнительнее казалась искренность принцессы в этом вопросе: ведь до сих пор она сама была неоспоримой сенсацией сезона, а известно, что за народ эти светские львы и львицы.

Сезон, если помните, был тогда сиамский, и все сиамское котировалось так же высоко, как русский акцент в те изысканные стародавние времена, когда у нас впервые появилось кабаре «Летучая мышь». Сиамский Художественный театр, доставленный к нам за бешеные деньги, давал спектакли при аншлагах. «Гушуптцу», роман-эпопея из сиамской сельской жизни в девятнадцати томах мелким шрифтом, только что получил Нобелевскую премию. По сведениям, поступающим от модных торговцев комнатными зверюшками и тритончиками, спрос на сиамских кошек просто невозможно было удовлетворить. И на гребне волны этого всеобщего интереса элегантно и непринужденно плыла принцесса Вивраканарда, точно гавайская купальщица, несущаяся на доске с валом прибоя. Она была незаменима. Она была неподражаема. Она была всюду.

Юная, чудовищно богатая, по одной линии в родстве с королевским домом Сиама, а по другой — с Кэботами¹ (и при этом первые восемнадцать из ее два-

---

¹ Одно из «первых семейств Бостона» (т. н. бостонские брамины), происходящее от Джона Кэбота, прибывшего в Новый Свет в 1700 г. и составившего состояние морской торговлей.

дцати двух лет были покрыты золотой завесой неизвестности), она как продукт смешения рас обладала особой, экзотической красотой, настолько же яркой, насколько и необыкновенной. Небрежная кошачья грация движений, смуглая кожа, словно бы припудренная крупичками чистейшего золота, а чуть скошенные глаза такой удивительной прозрачной голубизны, точно море над карибскими рифами. Каштановые волосы ниспадали ей до колен — профессиональная ассоциация парикмахеров сулила баснословные деньги за право остричь их «под фокстрот». Прямые, как струи водопада, они источали слабый, вкрадчивый аромат сандала и специй и слегка отсвечивали солнцем и ржавчиной. Говорила она мало — зачем ей? — но ее особенный, тихий, с мелодичной гнусавинкой голосок оставался в памяти надолго. Она жила одна и, по слухам, была очень ленива — говорили, например, что почти весь день она спит, зато ночью расцветает, как таинственный луноцвет, и в глазах ее появляется глубина.

Не приходится удивляться, что Томми Брукс влюбился. Удивительно другое: как она ему это позволила? В Томми не было ничего яркого и экзотического — нормальный симпатичный молодой человек из тех, кто создан тянуть ляжку будней, проводя большую часть дня за чтением газет в университетском клубе, а вечером всегда готовый выручить хозяйку и явиться на званный обед, если надо заткнуть грудью внезапно образовавшуюся брешь в шеренге ожидаемых гостей. Правда, принцесса Вивраканарда лишь терпела своих воздыхателей — никто не видел, чтобы ее надменно-равнодушные очи оживали навстречу мужчине. Но Томми она словно бы терпела благосклоннее, чем остальных, — и в любовных мечтаниях этого молодого человека уже начинали фигурировать алмазы с яйцо и апар-

таменты на Парк-авеню, когда приезжий дирижер, прославленный мосье Тибо, давал в Карнеги-холле свой первый концерт.

Томми Брукс сидел подле принцессы и бросал на нее искоса томные любовные взгляды. Однако ее лицо оставалось холодным, как маска, и, пока публика рассаживалась и затихала, принцесса Вивраканарда отпустила только одно замечание — что сегодня, кажется, довольно много народу. Но Томми был на этот раз скорее даже рад ее надменному равнодушию: со времени обеда у миссис Бомбардо его почему-то все больше и больше беспокоило, как она отнесется к этому типу Тибо. Мэру его преданности видно уже из того, что он вообще присутствовал на концерте. Для простодушного принстонца, которому песенка «Люби меня, красотка» представляется вершиной музыкального искусства, любая симфония — мученическая мука, и Томми ждал начала концерта с суровой, героической улыбкой на устах.

— Тс-с-с! — взволнованно шикнула миссис Лепет. — Вот он!

Потрясенному Томми представилось, что он вдруг снова очутился в окопах под массированным артобстрелом: появление мосье Тибо ознаменовалось оглушительной канонадой аплодисментов.

Но потом восторженный грохот так же вдруг, на полувздохе, оборвался — весь зал словно хором охнул от изумления. Газеты не наврали: хвост и вправду был.

Про приезжего дирижера писали, что он прибегает к сценическим эффектам — действительно, у него был потрясающе эффектный вид. Весь, с головы до ног, в черном (черной была даже крахмальная рубашка, личный подарок маэстро от Муссолини), он не просто шел между пультами, но лениво, плавно, величаво вы-

ступал, а через руку у него, непринужденно загибаясь, свисал знаменитый хвост — ну прямо черная пантера в летнем саду, таинственно покачивающая в такт шагам угольной обтекаемой головой, как покачивают все пантеры, прохаживаясь за прутьями решеток, и блеск его черных глаз не выражал ни радости, ни удивления. Дважды царственно кивнул он в ответ на овации, разразившиеся с новой силой. И в том, как он наклонял голову, Томми уловил какое-то неприятное сходство с принцессой Вивраканардой. Между тем дирижер повернулся к оркестру.

Зал вторично, еще громче, охнул. Потому что при повороте кончик его фантастического хвоста изящно проскользнул в невидимый карман и извлек оттуда черную дирижерскую палочку. Впрочем, Томми ничего этого не заметил. Он смотрел на принцессу.

Поначалу она даже не стала хлопать вместе со всеми, но теперь... Он никогда не видел ее в таком волнении. Она не аплодировала, а сидела, судорожно сцепив руки на коленях, и все ее тело было напряжено, как стальной прут, а голубые глаза с несказанной мучительной сосредоточенностью смотрели на мосье Тибо. Она словно замерла, затаила дыхание, у Томми даже мелькнула сумасшедшая мысль, что сейчас она взлетит, вспорхнет со своего кресла, как невесомая ночная бабочка, и бесшумно опустится подле мосье Тибо, чтобы с обожанием потереться своей гордой головкой о лацкан его черного фрака. Еще секунда, и ее состояние заметит даже миссис Лепет.

— Принцесса, — шепотом позвал он в испуге. — Принцесса!

Тело ее медленно расслабилось, глаза потухли, лицо вновь стало спокойным.

— Да, Томми? — откликнулась она своим обычным голосом. Но все-таки что-то в ней появилось такое...

— Ничего, только... а, черт... начинается!

В эту минуту мосье Тибо, непринужденно сложив перед собою руки, снова обернулся лицом к публике. Опустил глаза. Широко взмахнул за спиной хвостом. И трижды призывно постучал об пол дирижерской палочкой.

Давно не принимали глюковскую увертюру к «Ифигении в Авлиде» с такими шумными овациями. А когда дошла очередь до Восьмой симфонии, публика была просто в истерике. Никогда еще Новый Симфонический оркестр не играл так превосходно, но и такого гениального управления он тоже, надо сказать, до сих пор не знал. Еще не дошли до финала, а уже в зале три дирижера с мировым именем рыдали от восторга и отчаяния, как завистливые школьники, а один из них горячо сулил присутствовавшему здесь же хирургу, специалисту по лицевой пластике, десять тысяч долларов, если тот докажет, что наука может, худо ли, бедно, но нарастить хоть какое-то подобие хвоста тем, кто бесхвост от рождения. Ибо сомневаться не приходилось: рука смертного, пусть даже самая развитая, никогда не достигнет того сочетания нежной силы и могучей грации, какое являл в каждом своем колебании хвост мосье Тибо.

Точно черная молния, он исторгал из медных духовых громовые раскаты, точно эбеновое кнутовище, выбивал из деревянных сладостную мелодию до последнего замирающего вздоха и властно правил трепетными струнными, точно скипетр волшебного царя.

Мосье Тибо все кланялся и кланялся — зал сотрясали залпы восторженных рукоплесканий, — а когда изнемогший маэстро ушел за кулисы, председательницу клуба «Сонатные среды» понадобилось держать за руки и за ноги, чтобы она в эстетическом экстазе не

швырнула ему вслед свое жемчужное кольцо стоимостью в девяносто тысяч долларов. Нью-Йорк пришел, увидел и... был побежден. Миссис Лепет осадили репортеры, а Томми Брукс уже предвкушал скорую встречу с новым героем дня на приеме «в узком кругу», и у него было такое тяжелое чувство, будто его ждало не место за обеденным столом, а электрический стул.

Встреча между его принцессой и мосье Тибо прошла и хуже, и лучше, чем он опасался. Лучше — потому что они на проверку почти не разговаривали друг с другом, а хуже — потому что, как ему показалось, некое загадочное родство душ меж ними делало ненужным всякий разговор. Он склонился к ее руке, и все взгляды восторженно устремились на них.

— Какая дивно экзотическая парочка! — умилилась миссис Свист. — И ведь совсем разные!

Но тут Томми не мог с ней согласиться.

Они, конечно, были разные, спору нет: он — вихляющийся брюнет с фантастическим придатком сзади, конец которого небрежно заправлен в карман, и она — голубоглазая красавица в короне каштановых волос. Но этим различием только подчеркивалось то общее, что их объединяло: какая-то характерность походки, вкрадчивые жесты, особенный разрез глаз. Общность даже не расовая, а гораздо глубже. Томми сначала не мог ухватить, в чем ее суть, но потом, обведя взглядом гостей, вдруг понял: эти двое отличались от остальных и казались чужеродными не только Нью-Йорку, но и вообще всему человеческому. Точно вежливые гости с другой планеты.

Словом, Томми Брукс провел не очень-то приятный вечер. Но он соображал довольно медленно, и ему только постепенно со всей ясностью открылось одно невероятное подозрение.

Впрочем, не стоит ему особенно пенять за непонятливость. Последовавшие несколько недель были для него временем мучительных недоумений. И не то чтобы принцесса Вивраканарда к нему переменялась — нет, она была с ним так же снисходительна, как прежде, добавилось только постоянное присутствие мосье Тибо. У него была способность появляться внезапно, словно материализуясь из воздуха, — при своем росте он передвигался легко и беззвучно, как бабочка, — и Томми испытывал глухую ненависть, когда слышал еле уловимый шорох шагов по ковру, предвещающий его приход.

И потом, он был весь такой невозмутимый и обтекаемый, черт бы его драл! Ничем его не возьмешь, не заденешь. Обходился с Томми всегда крайне вежливо, а в глазах, в самой глубине, — издевка. Что тут будешь делать? Принцессу же Вивраканарду день ото дня явно все больше притягивал этот приезжий, они, похоже, общались друг с другом без слов — Томми это видел и бесился, но опять же поделаться ничего не мог.

Не только мосье Тибо во плоти, но даже и дух его донимал Томми Брукса. Бедняга потерял сон, а когда все же засыпал, ему являлся мосье Тибо, и не в человеческом обличье, но как призрак, как тень неуловимого неземного существа, и цедил слова сквозь остроконечные мелкие зубы. Что ни говори, в нем, бесспорно, было что-то такое... особенное, в его грации, в форме головы, даже в заостренных ногтях, — но на что это все было похоже, Томми никак не мог припомнить, сколько ни напрягал мозги. Да и когда припомнил в конце концов, тоже поначалу сам себе не поверил.

Укрепили его в подозрениях, вопреки всякому здравому смыслу, два совершенно пустяковых происшествия. Как-то темным зимним вечером он отправил-

ся к своей тетке миссис Лепет в надежде застать там принцессу Вивраканарду.

Дамы куда-то уехали, но должны были вернуться к чаю, и Томми, решив их дождаться, заглянул от нечего делать в библиотеку. Он уже протянул было руку, чтобы включить свет, ибо в библиотеке всегда, даже летом, было темно, как вдруг услышал, что в углу, где кожаная кушетка, кто-то словно бы тихо дышит. Он приблизился на цыпочках и различил в темноте, что на кушетке, свернувшись калачиком, мирно спит мосье Тибо.

Томми в сердцах негромко чертыхнулся и поспешил убраться из библиотеки, но на пороге неприятное, всем нам знакомое чувство, что кто-то смотрит тебе в спину, заставило его остановиться. Он обернулся — мосье Тибо лежал совершенно в том же положении, но только с открытыми глазами. И были эти глаза не черные, как раньше, и не человеческие, а зеленые, Томми мог бы поклясться, и бездонные и светились в темноте, точно два изумруда. Так продолжалось всего одно мгновение, потому что Томми с перепугу нажал выключатель — мосье Тибо, человек как человек, сидел на кушетке, позевывая и извиняясь. Но все-таки Томми успел кое о чем подумать. А то, что случилось немного погодя, тоже не добавило ему душевного равновесия.

Они беседовали вдвоем у растопленного камина. Томми до того ненавидел теперь мосье Тибо, что испытывал постоянную потребность в его обществе, как нередко бывает в таких случаях. Мосье Тибо рассказывал анекдот, а Томми слушал и ненавидел его еще сильнее за то, что тот так упивается теплом очага и переливами собственного голоса.

Вдруг послышался звук открываемой парадной двери, мосье Тибо вскочил — и при этом, зацепившись за шишечку медной каминной решетки, на угол разорвал

носок. Томми машинально взглянул на его ногу — только мельком, но и этого было достаточно, — а мосье Тибо впервые за время их знакомства вдруг потерял всякое самообладание, изменился в лице и выругался на каком-то шипящем иностранном языке, зажав дырку ладонью. Потом бросил на Томми испепеляющий взгляд и пулей вылетел из комнаты, и слышно было, как он большими легкими скачками мчится вверх по лестнице.

Томми грохнулся обратно в кресло, несмотря на то что в прихожей раздался мелодичный смех принцессы. У него не было желания видеть принцессу. Он никого не хотел сейчас видеть. Потому что под носком мосье Тибо открылось нечто несколько не похожее на человеческую кожу. Там было, Томми успел заметить, что-то вроде черного меха. Или черного бархата. Да еще эта внезапная вспышка ярости... Боже милостивый, неужто этот господин носит под низом черные бархатные чулки? А может быть... может быть, он вообще... И Томми сжал ладонями свою воспаленную голову.

В тот же вечер Томми явился к профессору Свисту с целым рядом гипотетических вопросов, но признаться в своих настоящих подозрениях не посмел, и от профессора услышал лишь столь же гипотетические ответы, и в итоге совсем запутался. Но тут он вспомнил про Билли Мистика. Билли был славный мальчик и имел склонность ко всякой небывальщине. Не исключено, что Билли ему поможет.

Трое суток ушло на то, чтобы изловить Билли, и все это время Томми Брукс жил как в лихорадке. Но вот наконец они сговорились пообедать вместе у Билли на квартире, где он хранил всякие чудные книги, и Томми вывалил перед приятелем весь ворох своих диких подозрений.

Билли слушал и не перебивал. И только когда Томми кончил, он затаился трубкой и произнес:

— Ну, знаешь ли, мой милый...

— Знаю, знаю, — замахал руками Томми. — Конечно, я спятил, можешь мне не доказывать... Но говорю тебе, он — кот. Как это может быть? Понятия не имею, но факт... Черт возьми, у него вон даже хвост есть!

— Так-то оно так, — покачал головой Билли, выдыхая дым. — Милый Томми, я нисколько не сомневаюсь, что ты действительно видел — или вообразил, буд-то видишь, — то, о чем рассказываешь. Тем не менее...

Он покачал головой.

— Но ведь бывает же! Всякие там оборотни, волко-человеки...

Билли задумался.

— М-да, пожалуй. Это, конечно, сильный довод. Если у человека хвост... Легенды о волках-перевертнях известны с достаточно давних пор. Нет, я лично не отрицаю существования оборотней ни в прошлом, ни в настоящем. Я вообще допускаю, что бывают разные странности... Но вот коты-оборотни? Человекокоты и коточеловеки? Все-таки вряд ли, по совести сказать.

— Но если я не получу дельного совета, то просто рехнусь, честное слово! Богом заклинаю, скажи, что мне делать?

— А это сейчас попробуем сообразить. Во-первых, так. Ты на все сто уверен, что он... это самое?..

— Кот? Точно. — Томми энергично кивнул.

— Ясно. Теперь во-вторых. Ты, извини за прямо-ту, опасаясь, что в твоей пассивности тоже есть что-то... э-э-э... кошачье, отчего она и тянется к этому типу?

— Господи, Билли! О том и речь, что я не знаю.

— Хорошо-с. Ну а если, допустим, это правда, твое отношение к ней остается неизменным?

— Да я готов жениться, даже если она каждую среду оборачивается драконшей! — страстно произнес Томми.

Билли улыбнулся:

— Ну а раз так, значит, очевидно, надо этого мосье Тибо устранить. Не мешай, я буду думать.

Думая, Билли скурил подряд две трубки, и все это время Томми ерзал на стуле, будто сидел на булавах. Наконец Билли вышел из задумчивости и рассмеялся.

— Что это тебя так забавляет? — обиделся его друг.

— Ничего. Просто меня осенила одна мысль... сумасшедшая, конечно... но если он — то, что ты думаешь... глядишь, и сработает, кто знает.

Он подошел к шкафу и снял с полки книгу.

— Ты что, надумал почитать мне для успокоения нервов сказочку на сон грядущий?..

— Замолчи-ка, Томми, и вот послушай, что здесь говорится... если, конечно, вправду хочешь избавиться от своего приятеля из семейства кошачьих.

— А что это за книга?

— Сочинение Агнессы Реплийэ. О кошках. Слушай: «Существует также и скандинавская версия этого сюжета, который сэра Вальтера Скотта рассказал Вашингтону Ирвингу, а Шелли услышал от Льюиса, автора „Монаха“. В той или иной форме этот сюжет содержится в фольклоре всех народов. Сводится он к тому, — теперь слушай внимательно, Томми! — что один путешественник, очутившись в разрушенном монастыре, оказывается свидетелем того, как процессия кошек опускает в могилу маленький гроб с короной на крышке. Перепуганный, он спешит прочь оттуда и, добравшись наконец до таверны, рассказывает хозяину о том, что видел. Едва он договорил, как хозяйский кот, мирно дремавший у очага, вдруг вскочил, воскликнул: „Зна-